

Научная статья

УДК [323.1(1-87)+325](28)

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-4-184–192

**«ТЕКУЧЕЕ» РАЗМЫВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
МУСУЛЬМАНСКАЯ ИММИГРАЦИЯ
КАК ВЫЗОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИНТЕГРАЦИИ**

Шамиль Равильевич Кашаф^{1, 2}

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия,
Kashaf@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния процессов глобализации и сопровождающих ее миграционных движений из мусульманских регионов в страны западной цивилизации на дезинтеграцию гражданского (политического) сообщества, сложившегося в условиях глубокого духовного кризиса и разъединения Европейского сообщества. Подчеркивается, что с приходом глобализации усилившиеся расовые, этнические и религиозные идентичности приобрели еще большее значение в преломлении через призму политической идентификации индивидов с политическим сообществом как политической нацией. Одновременно с этим в идентитарном пространстве европейской постсекулярности активизируется «Мы-дискурс» мусульманских меньшинств в Европе, который артикулируется приверженцами ислама при наличии множественных идентичностей. Важной компонентой дискурсивной борьбы становится историко-культурный нарратив мусульманских интеллектуалов, принимающий форму «битвы за идентичность». В этих условиях национальная идентичность, рассматриваемая демократическими странами, которые уже не могут оставаться этнически и культурно однородными, в качестве важного ресурса эволюции национального государства испытывает на себе давление со стороны отрицательных внешних воздействий. Это актуализирует необходимость проведения политическими акторами государственной политики идентичности, способной обеспечить укрепление гражданского единства в социуме. Делается вывод о том, что европейские модели выстраивания взаимоотношений тех групп населения, которые позиционируют себя как исторически сложившееся большинство, с миноритарными сообществами носителей мусульманской идентичности, не демонстрируют своей высокой эффективности, а отсутствие реального диалога и социально-политической интеграции мусульман-мигрантов в «принимающее сообщество» способно привести к еще более серьезному цивилизационному отчуждению инокультурных и иноконфессиональных элементов.

Ключевые слова: мусульмане, Европа, ислам, политическая интеграция, иммиграционные стратегии, нациестроительство, мультикультурализм

Для цитирования: Кашаф Ш. Р. «Текущее» размывание национальной идентичности: мусульманская иммиграция как вызов европейской политике интеграции // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 184–192. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192>.

Politology and Ethnopolitics

Original article

**"CURRING" EROSION OF NATIONAL IDENTITY: MUSLIM IMMIGRATION
AS A CHALLENGE TO EUROPEAN INTEGRATION POLICY**

Shamil R. Kashaf^{1, 2}

¹Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

²Kazan Federal University, Kazan, Russia,

Kashaf@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7808-5604>

Abstract. The article discusses specific features of the influence of the globalisation process and the migration movements from Muslim regions to the Western countries on the disintegration of the civil (political) community. This process has developed at the time of spiritual crisis and further disintegration

of the European Community. With the advent of globalisation, increased racial, ethnic and religious identities have become even more important within the framework of political self-identification of individuals with a certain political community as a political nation. At the same time, the "We Discourse" of Muslim minorities in Europe becomes more intense in the identity space of European post-secular society. The Islamic people articulate this fact through their multiple identities. An integral component in the self-identification of Islamic intellectuals becomes their historical and cultural narrative, which often takes the form of an "identity battle". The national identity as considered by the democratic countries (no longer ethnically and culturally homogeneous) ceases to be a crucial resource for the development of the nation-state. It experiences the often negative pressure from external influences. This fact makes actual the need for "political actors" to pursue an identity policy that can strengthen the civil unity in society. It is obvious that the old European models of relationship construction between the population groups, which constitute historical majorities with the minority communities of Muslim identity are no longer effective. The lack of dialogue and socio-political integration of Muslim migrants into the "host community" can lead to even more serious civilisational alienation of foreign cultural and foreign religious elements.

Keywords: Muslims, Europe, Islam, political integration, immigration policy, nation-building, multiculturalism

For citation: Kashaf Sh. R. "Curring" erosion of national identity: Muslim immigration as a challenge to European integration policy. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):184-192. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-184-192>.

Введение

Существование мира более открытым, прозрачным и взаимозависимым, сопровождаемое бурным развитием наднациональных и трансграничных связей, приводит к тому, что «общества XXI в. уязвимы, и уязвимость в тенденции растет» [1, с. 82]. С этой новой реальностью, когда под влиянием глобализации и неослабевающих миграционных потоков из мусульманских регионов с высокой рождаемостью (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Центральная и Южная Азия) происходит размывание гражданской национальной идентичности, сегодня вынуждены считаться практически все европейские страны. Реагируя на новые вызовы, их правительства заняты поисками более защищенных и устойчивых идентификационных оснований.

Встречающиеся в литературе трактовки концепта национальной идентичности актуализируют в нем, в первую очередь, идентификационные основания национально-государственного общества, в котором превалирует коллективное самосознание его граждан, считающих себя частью, членами, такого сообщества [2, с. 80]. О национальной идентичности говорят также как о маркере, указывающем на принадлежность человека к той или иной нации – политическому сообществу, являющемуся по сути своей «воображённым» (по Бенедикту Андерсону). «Члены даже самой маленькой нации, – пишет он, – никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живёт образ их общности» [3, с. 31]. Глобализация и здесь выступила тем «спусковым крючком», который вовлек в борьбу за национальную идентичность большие группы людей, которые ранее желали самоопределяться, предпочитая рамку примордиального этнического национализма. Примеры борьбы за право на национальное самоопределение со стороны различных этнических групп вдохновили на «битвы за идентичность» членов религиозных конфессий и деноминаций.

С приходом глобализации расовые, этнические, религиозные идентичности не только не утратили своего смысла, напротив, приобрели еще большее значение в преломлении через призму политической идентификации индивидов с политическим сообществом как политической нацией. Именно нации, в которой Э. Ренан в 80-е гг. XIX в. прозорливо узрел «духовную семью», оказывается под силу рождать «настолько сильную политическую солидарность, что перед ней отступают важнейшие этнокультурные различия между людьми» [4, с. 101]. Выступив главным носителем *национальной идентичности*, нация – независимо от того, является ли она этнической или гражданской по своему происхождению – нуждалась, как представлялось Э. Ренану, в «повседневном плебисците» [4, с. 102]. Но поскольку «идентичность не существует как что-то данное (*taken-for-granted*), а воспроизводится в социальных взаимодействиях» [5, с. 11], за ее переопределение социальные акторы ведут дискурсивную борьбу, принимающую форму «борьбы за идентичность». Иного не дано, поскольку, конечно же, если прав Чарльз Тилли, «идентичности всегда нуждаются в подтверждении, всегда зависят от обстоятельств, всегда представляют собой результат переговоров (*negotiable*)» [6, p. 608].

Ассимиляция инокультурных меньшинств: дебаты об идентичности

В глобализирующемся мире особенно интенсивные дискуссии о национальной идентичности как ресурсе гражданского единства развернулись «в форме дебатов об идентичности» (А. Турен). На авансцену политики и социальной жизни, прежде всего в западноевропейских странах, выступили проблемы размывания национальной сплоченности государств, ослабления традиционных авторитетов, упадка главной религии (об этом подробнее см.: [7]). К ним также добавились вызовы растущего инокультурного и иноконфессионального меньшинства, образовавшегося вследствие многомиллионной иммиграции представителей мусульманской уммы¹ из развивающихся стран, и в основном не предрасположенного к ассимиляции, проблемы политизации социокультурных различий.

Вполне естественно, что в центре оживленных споров оказался и вопрос о том, какие акторы драматичного идентификационного процесса генерируют сегодня значимые для национально-государственного сообщества образы и смыслы, параметры его эволюции в глобальном социально-политическом контексте, а также влияют на готовность граждан участвовать в национальном развитии при всей широте идентификационных ориентиров и индивидуальных поведенческих моделей.

Как мы уже отметили, правительства большинства стран Западной Европы, которые до недавнего времени имели устоявшиеся традиции моноэтнических и моноконфессиональных сообществ, а сейчас оказались в ситуации «принимающих обществ», вбирающих в себя носителей западных цивилизационных ценностей и проводников инокультурных влияний (по большей части – это трудовые мигранты из числа приверженцев ислама), в начале 2000-х гг. посчитали необходимым пересмотреть собственные стратегии сохранения своей идентичности. Впрочем, эти попытки завершались не всегда успешно.

По выражению Ж. Бодрийяра, если Соединенные Штаты Америки – это «оригинальная версия современности», то Европа – ее «версия с субтитрами» [8]. Сравнение французского философа, на наш взгляд, вполне приложимо к казусу той ассимиляционной модели, применявшейся на протяжении долгого времени в отношении мигрантов западноевропейскими странами (по примеру Канады, затем Австралии, США и других стран со значительным уровнем иммиграции), которая, однако, так и не сумела при встрече с мусульманской идентичностью превратить ее в очередной «плавильный тигель». Поэтому с 1980-х гг. культурная европолитика строилась на принципе «интеграции без ассимиляции», который, в свою очередь, базировался на доктрине мультикультурализма [9, с. 186].

В свою очередь и мультикультурализм (от английского «*multiculturalism*») как концепцию парадигмы общественного развития, признающую культурное разнообразие современного общества и необходимость сохранения этнорелигиозными меньшинствами своей культурной идентичности, постигла судьба общеевропейского разочарования. Концепт мультикультурализма пополнил собой ряд самых спорных понятий современного политического дискурса и публичной политики. «Проблемы регулирования иммиграции и интеграции иммигрантов, политики идентичности в отношении коренных («первых», в политкорректной терминологии мультикультуралистской доктрины) народов, обеспечения культурных прав и политических требований автохтонных этнических групп и национальных сообществ в составе национального государства сплелись в клубок вызовов и угроз, чреватых размыванием национальной идентичности» [10, с. 163].

Изменению в последние годы тональности публичного дискурса на Западе способствовали и кризисные явления, постигшие социальные государства. Западный мир приобрел непостоянность и неуверенность в качестве постоянных и устойчивых атрибутов. Неслучайно эпоху Нового времени один из крупнейших мировых политических философов и социологов Зигмунт Бауман предложил описывать в терминах «*текучей современности*» (*liquid modernity*), называя ее самой важной чертой *ненаправленности перемен*. Сегодня становится, «как никогда, сложно сказать о том, что происходящие перемены имеют какое-то заранее определенное направление, – обосновывает свою мысль ученый, – они застают нас врасплох, мы их не ожидаем и не предвидим» [11]. Другим эффектом текущей современности для Европы стал страх – и он «тоже текущий». «Мы не знаем, – поясняет З. Бауман, – откуда он прибывает, он вытекает откуда-то, но мы не можем найти источник, мы не можем противодействовать накоплению такого страха...» [11].

Кроме того, европейский публичный дискурс стал избыточно напряженным вследствие пересмотра критериев к оцениванию пределов личной и общественной безопасности. Он приобрел

¹ «Умма [أمة] араб.] Мусульманское сообщество, община. В переводе с арабского означает общину вообще (не обязательно мусульманскую)». См.: Словарь мусульманских терминов. URL: <https://dum-spb.ru/slovar-musulmanskix-terminov> (дата обращения: 10.01.20202).

понижительный тренд под натиском испуга от угроз терроризма, религиозного фундаментализма и участвовавших проявлений нетерпимости представителей разных групп по отношению друг к другу. Все эти факторы вместе с миграционными потоками влились в городскую жизнь европейцев с ее неизменной составляющей в виде повсеместного присутствия незнакомцев как неиссякаемого источника тревоги и агрессивности, обычно пребывающей в полусонном состоянии, но иногда все же прорывающейся наружу. Накопленные бессознательные страхи перед неизвестностью отчаянно стремятся вовне; чуть ли не единственным способом освобождения от них становятся «чужаки», в ком напуганным обществом олицетворяется все «незнакомое» [12, с. 43].

По свидетельству известного французского политолога Доминика Муази, атмосфера сильного беспокойства европейцев «оборачивается представлением о захвате мусульманским миром Европы, в котором пришлые чужаки занимают ведущие демографические и религиозные позиции», при этом сам Старый Свет превращается в «Евразию» [13, с. 112]. Запад назначил «чужаками» арабов и мусульман, которые «превратились в заложников культуры унижения» [14, с. 8].

Инокультурная идентичность мусульман: драйвер «текущего» страха

Следует отметить, что в немногочисленной литературе, рассматривающей причины паники Запада перед инокультурной идентичностью мусульман, открыто говорится о глубинных интересах и той роли, исполняемой акторами (движущими силами, субъектами политической и социальной деятельности), выступающими в защиту прав граждан, кого Иммануил Валлерстайн объединяет общим понятием *«те кто уже здесь живет»* [15]. Именно последние оказываются перед необходимостью предоставлять продолжающей прибывать в развитые западные страны неквалифицированной рабочей силе «третьего мира» справедливый доступ к общественным ресурсам.

По наблюдению канадского ученого Уилла Кимлики, в западных демократических странах с более чем двухсотлетним опытом ассимиляции «иммигрантских групп» иммигранты не оказывают сопротивления нацистроительным кампаниям большинства, нацеленным на интеграцию их в большее общество. Однако то, чего они сейчас добиваются, – это договориться об изменениях условий интеграции, с помощью которых бы им позволяли сохранить некоторые из их старинных обычаев, касающихся еды, одежды, отдыха, религии, и объединяться друг с другом для поддержания этих обычаев [16, с. 448]. Мобилизация иммигрантских групп под знаменами сепаратистских движений или националистических политических партий, революционных движений, ставящих целью свержение легитимной власти, практически минимальна.

Однако политики популистского толка, используя недовольства *тех, кто уже здесь живет*, через свои парламенты и прессу «взывают к национальной идентичности и отождествляют иммигрантов с угрозой западной или даже иудеохристианской цивилизации» [17, с. 22]. Их призывы, прежде всего, воспринимаются той стратой населения, которая в большинстве своем представлена маловлиятельными низшими классами. Эта социальная группа оказывается одинаково восприимчивой как к рассуждениям ультраправых националистов об угрозе утраты национальной идентичности государством, в котором излишне «заметными» становятся иммигранты и их потомки, так и к заявлениям популистов от «левых» партий, в которых – на это указывают, в частности, Р. Сапата-Барреро [18] и В. Гирадон [19, с. 263–282] – трудности воплощения в жизнь идеи социального государства зачастую объясняются негативным влиянием обрушившейся на Европу иммиграции.

Питательную почву для недовольства создает, прежде всего, усталость *тех, кто уже здесь живет* от неравенства «разобщенного общества», в котором при имеющейся положительной экономической динамике прогрессирует разрыв между пользующимися плодами растущей экономики Запада и теми, для кого доступ к ним серьезно ограничен. Проблема опасности устойчивого неравенства для широкой демократизации и необходимости в связи с этим изменений в отношениях неравенства и в публичной политике исчерпывающе изложена в трудах Ч. Тилли. Проницательный теоретик и знаток политической истории Западной Европы для описания механизмов порождения неравенства использует понятия *эксплуатация*, а также *узурпация*, *накопление возможностей* [20, с. 138].

В первом случае действие механизма обнаруживается тогда, когда лица, сами или объединившись, взяв под свой контроль ресурс, оказываются в состоянии направить во благо себе плоды чужого труда, лишая их создателей возможности самим распоряжаться тем результатом, который возник посредством этого ресурса и их трудовой деятельности.

Во втором случае неравенство возникает вследствие распоряжения ресурсом только членами одной закрытой группы, узурпировавшей источник материальных ценностей. «В западных политических

режимах категориальные различия по принадлежности/непринадлежности к родовой знати, вероисповеданию, полу, расе, национальности и владению собственностью стали основой неравенства в правах и обязанностях» [20, с. 145], – заключает Ч. Тилли.

Сформулировать свою оценку западному паттерну касательно инокультурных оппонентов в середине 1990-х гг. попытался генеральный секретарь Организации Исламская конференция (ОИК) Экмеледдин Ихсаноглу, руководитель крупнейшей межправительственной организации, которая представляла с 1969 г. мусульманский мир. Так, выступая на конференции «Отношения между европейской и исламской культурой и положение мусульман в Европе», организованной Министерством иностранных дел Швеции в 1995 г. в Стокгольме, Э. Ихсаноглу заявил о том, что имеющийся конфликт носит не межрелигиозный или межкультурный характер, но он лежит в плоскости разных политических мотивов и экономических интересов [21].

Позицию видного исламского общественного деятеля могли бы, предположим, разделить многие участники дискуссий, посвященных объяснению причин нарастающей конфликтности. Как утверждает У. Кимлика, «в реальности политика почти всегда есть дело и идентичностей, и интересов. Вопрос всегда в том, *какие* интересы и идентичности поддерживаются» [16, с. 414]. За густо окутанным лицемерием вопросом о «мигрирующих идентичностях» проглядывают политико-экономические интересы тех, кого И. Валлерстайн причисляет также к виновникам эскалации кризиса идентичности. По его мнению, в свободном перемещении рабочей силы не заинтересованы «либералы-рыночники», прежде всего, по двум причинам. Во-первых, для более обеспеченных регионов «это было бы политически крайне непопулярно», и, во-вторых, «это подорвало бы всю мировую систему неодинаковой оплаты рабочей силы, имеющую важнейшее значение для максимизации прибыли на глобальном уровне» [15]. В результате решение проблем экономики неэкономическими средствами с готовностью возлагают на себя примыкающие к популистским движениям политики, некоторые из которых, по словам Э. Де Фреде, умело раздувают и эксплуатируют эти чувства, разжигая злобу и недоверие к «чужакам» [17, с. 22–23].

Вывод о том, что мультикультурный подход в Западной Европе изначально и не предполагал достижения культурного компромисса в качестве фундамента для формирования общего блага, содержится и в работах современных российских авторов. Не имевшая в реальности такой цели политика «мультикультурализма», будучи заимствованной из практики неевропейских государств для создания видимости поликультурного диалога и снижения общей напряженности, оказалась весьма далека от того, чтобы «интегрировать общество на почве конструктивного политического объединения равнозначных и равноценных культурных групп посредством включения их в диалог по поводу определения общего блага» [22, с. 27].

Не отсюда ли исходят участившиеся запреты на присутствие атрибутов исламской идентичности в публичном пространстве (Франция, Бельгия), карикатурные скандалы с изображением почитаемого у мусульман пророка Мухаммада в Европе, референдум о возведении минаретов в Швейцарии, результаты которого некоторыми европейскими министрами и парламентариями были восприняты как «четкий сигнал: да – колокольням, нет – минаретам», в целом рост антиисламских настроений в европейских странах? Все это «свидетельства системных сбоев в политике интеграции и адаптации иммигрантов в рамках мультикультурной модели» [23, с. 180].

Можно ли эффективно перенастроить систему, корректируя западноевропейскую политику идентичности с учетом позитивно-умеренной позиции той части исламской общины, которая сознательно называет себя мусульманами стран Запада, тем самым подчеркивая, что одновременно принадлежит и к исламской, и к западной цивилизации? Положительный ответ на этот вопрос, пожалуй, содержится в работах Тарика Рамадана, с которым автор настоящих строк имел возможность познакомиться лично во время визита профессора Оксфордского университета в 2015 г. в Москву для презентации изданной им в России новой книги «По стопам Пророка: Уроки из жизни Мухаммада»¹.

Сторонник подхода, согласно которому считается, что ислам – един, но культур – множество, Т. Рамадан (см., например, его работы [24, 25]), предлагает говорить о европейском, канадском, американском, западном исламе, относя «европейскость» и «западность» к культуре, оставляя неизменными исламские принципы. Будучи убежденным, что приверженец ислама, в котором «есть место и единению, и многообразию», может быть «носителем канадской культуры и при этом быть мусульманином по вероисповеданию, и в этом нет никакого противоречия, потому что это заложено

¹ Тарик Рамадан вошел в Международный редсовет журнала «Ислам в современном мире» // Совет муфтиев России : официальный сайт. URL: <https://muslim.ru/articles/279/14214> (дата посещения 05.11.2021).

в правовой традиции ислама»¹. (Мысль, которая органично вписывается в дискурс религиозного исламского истеблишмента в России, отстаивающего традиционные ценности своей веры.)

Высказанное в середине 1990-х гг. Э. Ихсаноглу соображение о политической и экономической подоплеках конфликтной идеологии, навязываемой народам разных религий или культур, не утрачивает веских оснований и в текущем столетии. Крайне тревожившие исламского лидера тенденции политизации борьбы против ислама в сочетании с дискредитацией самой молодой из мировых религий были артикулированы Э. Ихсаноглу на Международном экономическом саммите России и стран Организации исламского сотрудничества (ОИС) в 2013 г. «Создается впечатление о том, что отдельные политические партии и движения соревнуются в ненависти к Исламу², – заявил Э. Ихсаноглу на форуме KazanSummit-2013. Упрек главы ОИС прежде всего был обращен в сторону М. Ле Пен, лидера партии «Национальный фронт», участвовавшей в качестве кандидата в президенты Франции на выборах 2012 г. Два года ранее она сравнила рост числа мусульман, молящихся на улицах городов Франции, с нацистской оккупацией³.

Важно прояснить: скрываются ли за антиисламскими эскападами западных политиков чувственные переживания по поводу утраты национальной идентичности, вынуждающие их идти на оскорбительный для многих – и не только для мусульманского меньшинства – «конфликт эмоций» (по Д. Муази)? Или же все-таки наружу прорывается агрессия «текущего страха», разряжаемая на «чужаков» (по З. Бауману) и более всего спровоцированная состоявшимся расставанием с прежней эпохой повсеместного западного доминирования и господства?

Из предложенных вариантов, как видится, возможно утверждение как того, так и другого ответа. Ведь С. Хантингтон еще в 1994 г. в рамках известной дискуссии вокруг цивилизационной модели отвечал своим оппонентам: «Западное могущество в форме колониализма и американская гегемония в XX в. распространили западную культуру почти по всему современному миру. Европейский колониализм позади; американская гегемония отступает» [26, с. 55]. Влияние «ушедшей природы» исторического прошлого европейских держав, державших в колониальной зависимости мусульманские страны, стойкое стремление ввести в ограниченные рамки участие мусульман в общественно-политической жизни страны (см. в: [27]), сегрегирование мусульманских общин под давлением большинства, состоящего из тех, кто уже здесь живет, сегодня отдается растущей угрозой национальной идентичности и внутренней стабильности западных обществ вследствие превращения инокультурной и иноконфессиональной иммиграции в фактор социальной и внутривнутриполитической жизни.

Сказанное вполне коррелирует с тем, что в 2013 г. было заявлено В. В. Путиным на Международном дискуссионном клубе «Валдай». «В европейских, да и в ряде других стран так называемый мультикультурализм – во многом привнесённая, искусственно сверху внедряемая модель – ставится сейчас под сомнение, и понятно почему. Потому что в основе лежит своего рода плата за колониальное прошлое»⁴, – подчеркнул президент России.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время национальная идентичность рассматривается демократическими странами как важный ресурс эволюции национального государства, способный придать его развитию устойчивый характер, менее подверженный отрицательным внешним и внутренним воздействиям процессов глобализации. В условиях становящейся прозрачности, открытости и взаимозависимости мира подавляющее большинство развитых стран уже не могут оставаться этнически и культурно однородными, что актуализирует необходимость проведения политическими акторами соответствующей политики идентичности, направленной прежде всего на укрепление гражданского единства в социуме.

Оказавшиеся неэффективными европейские модели взаимоотношений тех групп населения, которые позиционируются как исторически сложившееся большинство, с миноритарными сообществами, значительная часть которых в Европе представлена носителями мусульманской идентичности,

¹ Tariq Ramadan: Western Muslims Beyond Integration // URL: <http://www.onislam.net/english/reading-islam/living-islam/456016-tariq-ramadan-western-muslims-beyond-integration.html> (дата обращения: 04.07.2021).

² Э. Ихсаноглу: «Нарастают тревожные тенденции политизации борьбы против Ислама» // Ислам сегодня: сайт. 2013. 9 октября. URL: http://islam-today.ru/islam_v_rossii/eixsanoglu_narastayut_trevozhnye_tendencii_politizacii_borby_protiv_islama (дата обращения: 04.07.2021).

³ Marine Le Pen: Muslims in France «like Nazi occupation» // The Telegraph. 12.12.2010. (дата обращения: 05.07.2021).

⁴ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября.

в отсутствие реального диалога и социально-политической интеграции приводят к серьезному цивилизационному отчуждению инокультурных и иноконфессиональных элементов.

Производимая иммигрантскими «закапсулированными» общинами на Западе дискурсивная борьба в публичной сфере, часто сводимая к артикулированию политических требований, определенным образом отличается высокой степенью политизированности. Которая, как следует признать, в ближайшей перспективе будет только нарастать.

Список источников

1. Шейнис В. Л. Конец знакомого мира. *Тренды мирового социально-политического развития в условиях кризиса*. (под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина). М.: ИМЭМО РАН, 2012.
2. Семененко И. С. Национальная идентичность. *Политическая идентичность и политика идентичности* : в 2 т. Т. 1 : *Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 80–86.
3. Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М. : КАНОН-Пресс, Кучково поле, 2001. 288 с.
4. Ренан Э. *Что такое нация?* Собрание сочинений в 12 т. Т. 6. Киев, 1902. С. 99–101.
5. Панов П. В. *Борьба за идентичность и новые институты коммуникации* / под ред. П. В. Панова, К. А. Сулимова, Л. А. Фадеевой. М. : РОССПЭН, 2012. С. 7–17.
6. Tilly C. Political identities in changing politics. *Social Research*. 2003. Vol. 70. No. 2. P. 605–620.
7. Сафран У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры. *Политическая наука*. 2011. С. 64–97.
8. Бодрийяр Ж. *Америка* (пер. с фр. Д. Калугина). СПб.: Владимир Даль, 2000. 206 с.
9. Кисовская Н. К. Западная Европа: секулярная политическая традиция и мусульманская идентичность. *Политическая идентичность и политика идентичности*: в 2 т. Т. 2 : *Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 184–206.
10. Семененко И. С. *Мультикультурализм в повестке дня публичной политики*. Год планеты : ежегодник. Вып. 2011 г. Экономика. Политика. Безопасность. (гл. ред. В. Г. Барановский). М.: Идея-Пресс, 2011.
11. *Текущая модерность: взгляд из 2011 года* : лекция З. Баумана, прочитанная 21 апреля 2011 г. в клубе «ПирОГИ на Сретенке». Полит.ру: сайт. 2011. 6 мая. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (дата посещения 10.05.2021).
12. Бауман З. Город страхов, город надежд. *Логос*. 2008. № 3. С. 24–53.
13. Муази Д. Горькое торжество демократии. *Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века*. М.: Европа, 2010. С. 103–116.
14. Муази Д. Конфликт эмоций. *Россия в глобальной политике*. 2007. № 1. С. 8–9.
15. Валлерстайн И. М. *Иммигранты* (пер. с англ. Я. В. Межуевой). Государство и антропоток : сайт Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. Комментарий № 90. 2002. 1 июня. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a035.htm> (дата посещения 10.05.2021).
16. Кимлика У. *Современная политическая философия: введение* (пер. с англ. С. Моисеева). М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 592 с.
17. Де Фреде Э. Культура, цивилизация и идентичность. *Полис*. 2012. № 5. С. 17–23.
18. Zapata-Barrero R. *Fundamentos de los discursos politicos en torno a la inmigration*. Madrid: Trotta, 2009.
19. Guiraudon V. The constitution of a immigration polisy domain: a political sociology approach. *Journal of European Public Policy*. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 263–282.
20. Тилли Ч. *Демократия*. М. : Институт общественного проектирования, 2007. 263 с.
21. Ихсаноглу Э. Европа и Ислам – новые вызовы, новые горизонты. *Минарет*. 2011. № 1–2. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?2545 (дата посещения 10.05.2021).
22. Веретевская А. В. *Перспективы и препятствия для политики мультикультурализма в консолидированных демократиях Западной Европы* : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2012. 29 с.

23. Семененко И. С. Мультикультурализм. *Политическая идентичность и политика идентичности* : в 2 т. Т. 1 : *Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий* (отв. ред. И. С. Семененко). 2012. М. : РОССПЭН. С. 176–181.
24. Ramadan T. *To Be a European Muslim*. Leicester, U. K. : Islamic Foundation. 1999. 273 p.
25. Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N. Y. : Oxford Univ. Press. 2004. 278 p.
26. Хантингтон С. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: С. Хантингтон отвечает оппонентам. *Полис*. 1994. № 1. С. 49–57.
27. Мешлок Т. Р. *Мусульманские меньшинства в странах Западной Европы во второй половине XX века : на примере Франции и Германии* : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 .Краснодар, 2007. 198 с.

References

1. Sheinis V. *The Trends of World Social-Political Development under the Crisis conditions*. Ed. E. SH. Gontmachera, N. C. Zagladina. Moscow: IMEMO RAS, 2012. (In Russ.)
2. Semenenko I. *National identity. Political Identity and Identity Politics* : in 2 Vols. Vol. 1 : Identity as a category of Political Science : dictionary of terms and concepts. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2012. P. 80–86. (In Russ.)
3. Anderson B. *Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism*. Moscow: CANON-Press, Kuchkovo pole. 2001. 288 p. (In Russ.)
4. Renan E. *What is a nation?* Collected works in 12 Vols. Vol. 6. Kiev. 1902. P. 99–101. (In Russ.)
5. Panov P. Struggle for identity and new institutions of communication. (Eds. P. Panov, K. Sulimov, L. Fadeeva). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 7–17. (In Russ.)
6. Tilly C. Political identities in changing polities. *Social Research*. 2003;70(2): 605–620.
7. Saffron W. National identity in France, Germany and the United States: modern disputes. *Political science*. 2011. P. 64–97. (In Russ.)
8. Baudrillard J. *America*. (Trans. from French. D. Kalugina). St. Petersburg: Vladimir Dal Publ., 2000. 206 p. (In Russ.)
9. Kisovskaya N. *Western Europe: secular political tradition and Muslim identity. Political identity and identity policy*: in 2 Vols. Vol. 2 : Identity and socio-political changes in the XXI century. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 184–206. (In Russ.)
10. Semenenko I. *Multiculturalism on the agenda of public policy*. Year of the Planet : Yearbook. Issue 2011. Economy. Politics. Security. (Ed. V. Baranovsky). Moscow: Idea-Press. 2011. (In Russ.)
11. *Current modernity: a look from 2011*: lecture by Z. Bauman, read on April 21, 2011 at the club PiroGI on Sretenka. Polit.ru: site. 2011. May 6. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman> (accessed 10.05.2021). (In Russ.)
12. Bauman Z. City of fears, city of hopes. *Logos*. 2008;(3):24–53.
13. Muazi D. *Bitter triumph of democracy. Democracy and modernisation: to the discussion about the challenges of the XXI century*. Centre for Post-industrial Society Studies; Introductory article by V. Inozemtsev. Moscow: Europe, Publ., 2010. P. 103–116. (In Russ.)
14. Muazi D. Conflict of emotions. *Russia in global politics*. 2007;(1):8–9. (In Russ.)
15. Wallerstein I. *Immigrants*. (Trans. from Engl. Ya. Mezhueva). State and Anthropologist : site of the Centre for Strategic Studies of the Volga Federal District. Comment No. 90. 2002. June 1. Available from: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a035.htm> [Accessed 10 May 2021].
16. Kimlik U. Modern political philosophy: introduction. (Trans. from Engl. S. Moiseev). Moscow: Publ. House of State University – Higher School of Economics. 2010. 592 p.
17. De Frede E. Culture, civilisation and identity. *Polis*. 2012;(5):17–23.
18. Zapata-Barrero R. *Fundamentos de los discursos politicos en torno a la inmigration*. Madrid: Trotta. 2009.
19. Guiraudon V. The constitution of a immigration polisy domain: a political sociology approach. *Journal of European Public Policy*. 2003;10(2):263–282.
20. Tilly C. *Democracy*. Moscow: Institute of Public Design. 2007. 263 p.
21. Ihsanoglu E. Europe and Islam – new challenges, new horizons. Minaret. 2011. No. 1–2. Available from: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/? 2545 [Accessed 10 May 2021].

22. Veretevskaya A. *Prospects and obstacles to the policy of multiculturalism in the consolidated democracies of Western Europe : abstract of dissertation ...* Cand. of Polit. Sciences : 23.00.02. Moscow. 2012. 29 p. (In Russ.)
23. Semenenko I. *Multiculturalism. Political Identity and Identity Politics* : in 2 Vols. Vol. 1 : Identity as a category of Political Science : dictionary of terms and concepts. (Ed. I. Semenenko). Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2012. P. 176–181. (In Russ.)
24. Ramadan T. *To Be a European Muslim*. Leicester, U.K. : Islamic Foundation. 1999. 273 p.
25. Ramadan T. *Western Muslims and the Future of Islam*. N. Y. : Oxford Univ. Press; 2004. 272 p.
26. Huntington S. Discussion around the civilisational model: S. Huntington responds to opponents. *Polis*. 1994;(1):49–57.
27. Meshlok T. R. *Muslim minorities in Western Europe in the second half of the XX century: on the example of France and Germany* : Diss. ... Cand. of Hist. Sciences : 07.00.03. Krasnodar. 2007. 198 p.

Информация об авторе

Ш. Р. Кашаф – научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук (Москва); старший преподаватель кафедры по изучению исламской цивилизации (на базе Института востоковедения Российской академии наук) Института международных отношений Казанского федерального университета (Казань).

Information about the author

Sh. R. Kashaf – researcher at the Center for the Study of Central Asia, Caucasus and the Ural-Volga Region of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow); Senior Lecturer at the Department for the Study of Islamic Civilization (on the basis of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) of the Institute of International Relations of Kazan Federal University (Kazan).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.11.2021; одобрена после рецензирования 06.12.2021; принята к публикации 07.12.2021.

The article was submitted 19.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 07.12.2021.